

*Посвящается
Оскару и Уэверли*

Считается, что первый звук, который мы слышим, находясь в утробе, — сердцебиение матери. На самом деле первый звук, вибрацией проходящий через наш едва оформившийся слуховой аппарат, — пульсация материнской крови при проходе по венам и артериям. Мы вибрируем под этот первородный ритм еще до того, как у нас появляются уши. До зачатия мы существовали в виде яйцеклетки в яичниках матери. Все яйцеклетки, произведенные женщиной, формируются в ее яичниках, когда она сама является четырехмесячным зародышем в утробе ее матери. То есть, наши клетки начинают свою жизнь в утробе наших бабушек. Каждая из нас проводит пять месяцев в утробе бабушки, а та, в свою очередь, сформировалась в утробе ее бабушки. Мы вибрируем под ритм крови матери еще до ее рождения...

Лэйн Редмонд.

Когда барабаничками были женщины

Окна твоего дома сияют, словно внутри пожар. Занавески из дорогого льна настолько прозрачные, что я могу определить, в каком ты настроении. С улицы видно все: девочка встряхивает волосами, заканчивая домашнее задание, малыш подбрасывает теннисные мячики под потолок, твоя жена ходит в леггинсах по гостиной, наводя порядок. Игрушки — в корзину, подушки — на диван.

Сегодня вы не стали зашторивать окна — наверное, решили полюбоваться на снегопад. Вдруг твоя дочь увидит рождественского оленя? Она давно перестала верить в Санту, но ради тебя готова притвориться. Для тебя — все что угодно.

В честь праздника вы принарядились. Дети в одинаковых клетчатых рубашках сидят на кожаном диванчике, твоя жена фотографирует их на телефон. Девочка держит мальчика за руку. Ты на заднем плане возишься с проигрывателем; твоя жена обращается к тебе, но ты останавливаешь ее предостерегающим жестом — почти получилось. Девочка спрыгивает с дивана, твоя жена подхватывает малыша, они кружатся. Ты поднимаешь стакан, делаешь глоток виски и на цыпочках отходишь от проигрывателя, словно от спящего младенца. Вы при-

нимаетесь танцевать. Ты берешь сына на руки; он запрокидывает голову, ты в шутку наклоняешь его чуть не до пола. Твоя дочь тянется к тебе за поцелуем. Твоя жена, забрав у тебя бокал, подходит к елке, поправляет электрическую гирлянду. Вы замираете, наклоняетесь друг к другу, хором выкрикиваете какое-то слово и продолжаете танцевать — песня хорошо вам знакома. Твоя жена выходит из комнаты, сын невольно провожает ее взглядом. Я помню, каково это — быть нужной.

Спички. Она зажигает свечи на каминной полке, украшенной пихтовыми ветвями. Они наверняка настоящие, пахнут смолой и лесом. Представляю, как эти сучья пылают в ночи, а свет внутри дома превращается из теплого масляно-желтого в жаркий трескучий красный.

Малыш схватил кочергу. Девочка забрала ее до того, как вы с женой успели заметить. Хорошая сестра. Помощница. Защитница.

Обычно я не наблюдаю за вами так долго, но сегодня вы очень красивые, и я просто не могу заставить себя уйти. Идет снег. Он будет хорошо лепиться. Утром девочка слепит из него снеговика, чтобы порадовать брата. Я выключаю дворники, регулирую температуру в салоне. На дисплее электронных часов появилась новая цифра: семь тридцать. Раньше в это время ты читал ей «Полярный экспресс».

Твоя жена сидит в кресле и наблюдает, как вы скачете по комнате. Она смеется, поправляет длинные кудри, принюхивается к твоему напитку, оставляет бокал и улыбается. Ты стоишь к ней спиной и не видишь, а я вижу. Она кладет руку на живот, чуть заметно гладит его, опускает взгляд, ду-

мая о жизни, растущей внутри. Это просто сгусток клеток, но для нее нет ничего важнее. Ты оборачиваешься, и она возвращается к реальности, к тем, кого любит.

Она сообщит тебе завтра утром.

Я хорошо ее знаю.

Отвлекаюсь, чтобы надеть перчатки, а когда поднимаю взгляд, девочка стоит на пороге, в круге света от фонаря. У нее в руках тарелка с морковкой и печеньем. Ты оставишь крошки на полу в коридоре. Ты подыгрываешь ей, а она тебе.

Девочка смотрит на меня. Ее пробирает дрожь: на улице холодно. Платье, купленное твоей женой, ей тесновато. У нее раздаются бедра, появляется грудь. Она поправляет волосы жестом взрослой женщины.

Впервые мне кажется, что наша дочь похожа на меня.

Я опускаю стекло, поднимаю руку в приветствии. Она ставит тарелку на крыльцо, оглядывается напоследок и уходит в дом, к семье. Я жду, что ты задернешь шторы и выйдешь на улицу — выяснить, какого черта я делаю у твоего дома в канун Рождества. Что сказать? Что мне стало одиноко? Что я скучаю по ней? Что это я должна занимать место жены и матери в твоём ярко освещенном доме?

Она вприпрыжку возвращается в гостиную. Ты уговариваешь жену подняться с кресла. Пока вы танцуете, тесно прижавшись друг к другу, наша дочь берет мальчика за руку и подводит к окну. Со всем как актриса, занимающая самое выигрышное место на сцене. Оконный переплет окаймляет две фигурки, словно рама.

Мальчик похож на Сэма. У него такие же глаза и темные локоны. Я любила наматывать их на палец.

Меня мутит.

Наша дочь смотрит в окно, на меня, положив руки мальчику на плечи. Наклоняется, целует его в щеку. Еще раз и еще. Малышу это нравится, он привык к ласке. Он указывает на падающий снег, а она, не сводя с меня глаз, истинно материнским жестом растирает ему плечи, будто пытается согреть.

Тыходишь к окну, присаживаешься на корточки рядом с мальчиком. Моя машина не привлекает твоего внимания. Ты проводишь пальцем по стеклу, рассказываешь сыну о санях и олене. Он вглядывается в темное небо, пытается их разглядеть, ты щекочешь его под подбородком. Наша дочь по-прежнему смотрит на меня. Я судорожно сглатываю и в конце концов отвожу глаза. Она всегда выигрывает.

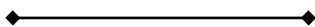
Оглядываюсь: она по-прежнему наблюдает за машиной.

Моя первая мысль — сейчас наша дочь задернет занавески, но она просто стоит и смотрит. На сей раз я не отвожу взгляд. Я поднимаю стопку бумаги, лежащую на пассажирском сиденье, и чувствую тяжесть своих слов.

Я пришла, чтобы отдать ее тебе.

Это моя версия истории.

Глава 1

Ты перевернул стул и постучал по моему учебнику кончиком карандаша. Я смотрела на страницу, не решаясь поднять взгляд. «Слушаю», — сказала я, словно отвечала на телефонный звонок. Это тебя рассмешило. Так мы и сидели, хихикая, в студенческой библиотеке; выяснилось, мы оба изучаем один и тот же факультативный предмет. На лекциях присутствовало не меньше сотни студентов — раньше я тебя не замечала. Кудри упали тебе на глаза, ты отвел их карандашом. У тебя оказалось необычное имя. После занятий ты проводил меня до дома; всю дорогу мы молчали. Ты явно был очарован и все время улыбался. Никто никогда так мной не интересовался. На пороге общежития ты поцеловал мне руку, и мы снова расхохотались.

Скоро нам исполнилось двадцать один. Мы с тобой были неразлучны. До выпуска оставалось меньше года. Мы спали вдвоем на моей узкой кровати, читали учебники, расположившись на противоположных концах дивана, ходили в бар с твоими друзьями, но всегда сбегали пораньше — в постель, чтобы поскорее насладиться теплом наших тел.

Я почти не пила, а ты уже устал от вечеринок — тебя интересовала только я. Никто из моего окружения не возражал. У меня было мало друзей — так, скорее знакомые. Я занималась в основном учебой, чтобы не лишиться стипендии, поэтому не имела ни времени, ни желания участвовать в студенческой жизни. Пожалуй, до тебя я ни с кем близко не сходилась. Ты предложил мне нечто иное: мы покинули социальную орбиту и счастливо сосуществовали вдвоем.

Обретя с тобой покой и поддержку, я полностью в тебе растворилась. Когда мы познакомились, у меня ничего не было, поэтому ты с легкостью стал для меня всем. «С легкостью» не значит «незаслуженно». Ты был добрым, чутким, участливым. Когда я поделилась с тобой своей мечтой стать писателем, ты сказал: «Никем другим тебя не представляю». Я с удовлетворением замечала ревнивые взгляды других девушек. Ночью я вдыхала запах твоих мягких темных волос, а утром будила, вода пальцем по небритому подбородку. Ты был для меня как наркотик.

На мой день рождения ты составил список из ста пунктов, за что меня любишь. 14. Люблю, как ты тихонько похрапываешь во сне. 27. Люблю твой красивый почерк. 39. Люблю чертить пальцем свое имя у тебя на спине. 59. Люблю есть с тобой один пончик на двоих по дороге на занятия. 80. Люблю наблюдать, как ты заканчиваешь читать хорошую книгу и потом прижимаешь ее к груди. 92. Уверен, однажды ты станешь хорошей матерью.

— С чего ты взял, что я стану хорошей матерью? — Я отложила список. На мгновение мне показалось, что ты вообще меня не знаешь.

— А почему нет? — Ты игриво ткнул меня пальцем в живот. — Ты же такая заботливая и милая. Жду не дождусь, когда мы с тобой заведем детишек. Мне ничего не оставалось, как улыбнуться. Никогда не встречала столь пылкого человека.

— Однажды ты поймешь, Блайт. Женщины в нашей семье... не такие, как все.

Я до сих пор помню мамину оранжевую помаду на сигаретном фильтре. Пепел, падающий в чашку с остатками апельсинового сока. Запах подгоревшего хлеба.

Ты крайне редко заводил разговор о моей матери, Сесилии. Я поведала тебе следующие факты: (1) она ушла, когда мне было одиннадцать, (2) после этого я виделась с ней всего дважды, (3) мне неизвестно, где она сейчас.

Ты знал, что я не люблю вспоминать о ней, и не расспрашивал — боялся того, что мог услышать. Ничего удивительного. Все мы возлагаем определенные надежды на себя и окружающих. С материнством то же самое. Каждый надеется получить хорошую мать, жениться на хорошей матери, стать хорошей матерью.

1939—1958

Этта родилась в день, когда началась Вторая мировая война. С самого рождения она была краснощекой и пухленькой, с глазами цвета Атлантики.

Она влюбилась в знакомого мальчика, сына доктора. Его звали Луи. В отличие от других мальчишек, он был добрым, спокойным и хорошо воспитан-